

Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич

Этюды о творчестве И. С. Тургенева

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Николаевич О.**
Этюды о творчестве И. С. Тургенева / Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 269 с.

ISBN 978-5-521-25995-3

ISBN 978-5-521-25995-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Настоящее — второе — изданіе моихъ „Этюдѣвъ о творчествѣ И. С. Тургенева“ отличается отъ перваго (1896 г.), кромѣ поправокъ въ текстѣ, тремя дополнительными очерками: 1) Введеніемъ, гдѣ разсматриваются „западническія“ воззрѣнія Тургенева; 2) Приложеніемъ I, гдѣ сгруппированы нѣкоторыя справки изъ критической литературы о Тургеневѣ; 3) Приложеніемъ II, гдѣ даны поясненія по затронутому въ главѣ VII-ой вопросу о связи между моральнымъ и религіознымъ укладомъ въ душѣ человѣческой.

Позволю себѣ повторить здѣсь то, что я писалъ въ предисловіи къ первому изданію:

Живой интересъ, представляемый важнѣйшими созданіями Тургенева, еще очень не скоро изсякнетъ. Нѣкоторыя изъ нихъ — такъ можно думать — навсегда останутся во всемірной литературѣ. Во всякомъ случаѣ долго еще они будутъ служить предметомъ размышленія и изученія. Широта художественныхъ обобщеній Тургенева, общечеловѣческое значеніе его типовъ, глубина идей, возбуждаемыхъ его образами, составляютъ богатое умственное достояніе, котораго хватитъ на много поколѣній. Литература, посвященная критикѣ, изученію и истолкованію произведеній Тургенева, будетъ расти и у насъ, и въ Европѣ. — *) Предлагаемая книга есть посильный вкладъ въ эту литературу.

Авторъ.

*) Недавно (10 г.) вышла въ серіи „Geisteshelden (Führende Geister). Eine Sammlung von Biographien“, томъ 43, біографія Тургенева съ очеркомъ его творчества, составленная Эрнстомъ Борковскимъ („Turgeniew“. Von Ernst Borkowsky). Знакомствомъ съ этой прекрасной, съ любовью и знаніемъ дѣла написанной книгой я обязанъ проф. Алексѣю Ник. Веселовскому, которому и приношу искреннюю благодарность.

ВВЕДЕНІЕ.

1.

И. С. Тургеневъ принадлежалъ къ числу наиболѣе послѣдовательныхъ представителей такъ называемаго «западничества» и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ убѣжденнымъ «либераломъ стараго покроя, постепеновцемъ», какъ онъ самъ аттестовалъ себя въ извѣстномъ «отвѣтѣ иногороднему обывателю».

Система его общественныхъ и политическихъ идей, опредѣляемая этими понятіями «западничества» и «умѣреннаго либерализма», интересуетъ насъ здѣсь постольку, поскольку ея характеризуется складъ ума и самой натуры писателя. Ниже, въ главахъ I-ой и II-ой, мы ведемъ рѣчь и объ умѣ, и о натурѣ Тургенева, но намъ казалось, что характеристику, тамъ сдѣланную, необходимо обосновать на болѣе широкомъ базисѣ. Такимъ базисомъ и послужить намъ очеркъ «идеологіи» Тургенева.

Общественныя понятія Тургенева складывались въ ту эпоху, когда еще прочно стояло крѣпостное право, и важнѣйшимъ очереднымъ вопросомъ жизни и внутренней политики была подготовка эмансипаціи крестьянъ. Тургеневъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, сравнительно немногочисленныхъ, жителей дореформенной эпохи, которые не только понимали, но живо и болѣзненно чувствовали все безобразіе и все зло крѣпостнаго права. И онъ, какъ извѣстно, далъ себѣ «Аннибалову клятву»—бороться съ крѣпостной неволей всѣми доступными ему средствами. Объ этомъ онъ позже (въ 1868 г.) вспоминалъ такъ: «я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, чтó я возненавидѣлъ; для этого у меня, вѣроятно, недоставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо было удалиться отъ моего врага за тѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ

врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ—крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца—съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя Аннибаловская клятва...» («Литературныя и житейскія воспоминанія». «Вмѣсто вступленія»). Отмѣтимъ здѣсь указаніе на то, что Тургеневъ счелъ нужнымъ удалиться отъ «врага», что онъ не могъ оставаться рядомъ съ нимъ и т. д. Онъ удалился на Западъ. Это удаленіе было и фактическимъ, и, что, пожалуй, важнѣе, психологическимъ, идейнымъ. Тургенева, какъ и другихъ лучшихъ людей дореформенной эпохи, тянуло на Западъ, подышать другимъ воздухомъ, возродиться, поучиться; но еще болѣе ихъ сознаніемъ и чувствами овладѣвала невольная антитеза Россіи и Западной Европы, при чемъ рѣшительное преимущество отдавалось этой послѣдней, ибо въ ней, несмотря на почти всеобщую реакцію и разныя отрицательныя стороны жизни, совершалось, хотя бы и медленно, неровно, съ остановками, поступательное движеніе въ направленіи къ лучшему будущему, и уже были завоеваны нѣкоторыя гарантіи свободы и возможности жить и работать по-человѣчески.

«Западничество» не значило — предпочтеніе всего западно-европейскаго всему русскому. Оно выражало только назрѣвшую потребность и стремленіе внести въ русскую жизнь элементарныя начала общечеловѣческой прогрессирующей цивилизаціи, которыя были выработаны Западною Европою. Тяготѣніе къ Западу было тяготѣніемъ къ общечеловѣческому идеалу. «Я бросился»—вспоминаетъ Тургеневъ (тамъ-же)—«внизъ головою въ „нѣмецкое море“, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я, наконецъ, вынырнулъ изъ его волнъ—я все-таки очутился „западникомъ“, и остался имъ навсегда».

Но «западничество» Тургенева замѣтно разнилось отъ «западничества» многихъ другихъ дѣятелей, какъ дореформенной, такъ въ особенности пореформенной эпохи. Вотъ именно это отличіе намъ и нужно теперь уяснить себѣ.

Оно сводится главнымъ образомъ къ критическому и скептическому отношенію къ русской дѣйствительности, къ русскому народу, къ нашей исторіи, ко всему нашему прошлому и нашему—по крайней мѣрѣ, ближайшему—будущему.

Въ этомъ отрицательномъ направленіи Тургеневъ доходилъ иногда до крайности, рискуя прослыть ненавистникомъ и

порицателемъ всего русскаго, отщепенцемъ и крайнимъ западникомъ. Всего яснѣе сказалась точка зрѣнія Тургенева въ «Дымъ», именно въ рѣчахъ Потугина, а также въ нѣкоторыхъ письмахъ.—Приведу нѣсколько выдержекъ.

Потугинъ говоритъ: «Да-съ, да-съ, я западникъ, я преданъ Европѣ; то-есть, говоря точнѣе, я преданъ образованности, надъ которою такъ мило у насъ теперь потѣшаются,—цивилизациі—да, да, это слово еще лучше—и я люблю ее всѣмъ сердцемъ, и вѣрю въ нее, и другой вѣры у меня нѣтъ и не будетъ. Это слово: ци-ви-ли-за-ція (Потугинъ отчетливо, съ удареніемъ произнесъ каждый слогъ) и понятно, и чисто, и свято, а другія всѣ, народность тамъ, что-ли, слава, кровью пахнутъ... Богъ съ ними!» («Дымъ» V).

«..... Вы спрашивали меня, какого я мнѣнія о Европѣ: я удивляюсь ей и преданъ ея началамъ до чрезвычайности и нисколько не считаю нужнымъ это скрывать.....» (Тамъ-же).

Какъ извѣстно, въ «Дымъ» есть слѣды или отголоски той размолвки, которая возникла между Тургеневымъ и Герценомъ въ 1863 году и продолжалась, кажется, до 1866 года. Къ 1867-му году, когда былъ напечатанъ «Дымъ», друзья-противники почти примирились, и Тургеневъ, посылая Герцену экземпляръ «Дыма», между прочимъ писалъ ему: «... посылаю тебѣ свое новое произведеніе. Сколько мнѣ извѣстно, оно возстановило противъ меня въ Россіи людей религіозныхъ, придворныхъ, славянофиловъ и патріотовъ. Ты не религіозный человѣкъ и не придворный; но ты славянофилъ и патріотъ, и, пожалуй, прогнѣваешься тоже; да сверхъ того и Гейдельбергскія мои арабески тебѣ, вѣроятно, не понравятся,—какъ бы то ни было, дѣло сдѣлано». (Письмо отъ 17 мая 1867 г., изъ Баденъ-Бадена).

Въ другомъ письмѣ Тургенева къ Герцену (22 мая 1867) читаемъ: «Тебѣ наскучилъ Потугинъ, и ты сожалѣешь, что я не выкинулъ половину его рѣчей. Но добавь: я нахожу, что онъ еще не достаточно говоритъ, и въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня всеобщая ярость, которую возбудило противъ меня это лицо. Іосифъ II говорилъ Моцарту, что въ его операхъ слишкомъ много нотъ.—«Keine zu viel», отвѣчалъ тотъ. Я не Моцартъ, еще гораздо меньше, чѣмъ ты не Іосифъ II, но и я осмѣлюсь думать, что тутъ «Kein Wort zu viel». То, что за границей избито какъ общее мѣсто, у насъ можетъ приводить въ бѣшенство своей новизной».

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 4 іюня 1867 г.) Тургеневъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ «Дымомъ»: «...знаю, что меня ругаютъ всѣ—и красные, и бѣлые, и сверху, и снизу, и сбоку—особенно сбоку. Даже негодующіе стихи появились. Но я что-то не конфужусь и не потому, что воображаю себя непогрѣшимымъ; а такъ какъ-то—словно съ гуся вода. Представь себѣ, я даже радуюсь, что мой ограниченный западникъ Потугинъ появился въ самое время этой всеславянской пляски съ присядкой, гдѣ Погодинъ такъ лихо вывертываетъ па съ гармошкой...» *).

Такимъ образомъ въ «Дымѣ» Тургеневъ, такъ сказать, бросилъ перчатку всѣмъ націоналистамъ, славянофиламъ, патріотамъ всѣхъ оттѣнковъ, начиная отъ идеалистическаго славянофильства, представителями котораго тогда были И. С. Аксаковъ, Н. Н. Страховъ, Н. Соловьевъ, и кончая радикальнымъ народничествомъ, наиболѣе яркимъ въ то время направлениемъ нашей общественной мысли, основы котораго были установлены Герценомъ еще въ 50-хъ годахъ и потомъ разработаны Н. Г. Чернышевскимъ и его сподвижниками. Это радикальное народничество, какъ и идеалистическое славянофильство, основывалось на идеализаціи извѣстныхъ сторонъ или «основъ» русской жизни, на которыя представители этихъ направленій возлагали извѣстныя упованія, видя въ нихъ залогъ лучшаго будущаго. Въ ряду этихъ «основъ» на первый планъ выдвигались «община» и «артель», въ которыхъ видѣли исконныя русскія учрежденія, созданныя народнымъ творчествомъ, прогрессивное развитіе которыхъ открывало заманчивыя перспективы будущаго.

Тургеневъ рѣшительно не вѣрилъ ни въ «общину», ни въ «артель», ни въ «будущность Россіи», на нихъ построенную. Вотъ что читаемъ въ его письмѣ къ Герцену (отъ 13 дек. 1867 г.): «Отъ общины Россія не знаетъ какъ отчураться, а что до артели—я никогда не забуду выраженія лица, съ которымъ мнѣ сказалъ въ нынѣшнемъ году одинъ мѣщанинъ: «кто артели не знавалъ, не знаетъ петли». Не дай Богъ, чтобъ безчеловѣчно эксплуататорскія начала, на которыхъ дѣйствуютъ наши артели, когда-нибудь примѣнились въ болѣе широкихъ размѣрахъ! «Намъ въ артель его не надѣть: человѣкъ онъ хоша не воръ, безде-

*) Дѣло идетъ о славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, во время выставки лѣтомъ 1867 г.

нежный и поручителевъ за себя не имѣетъ, да и здоровьемъ не надеженъ—на кой его намъ ляды!» Эти слова можно услышать сплошь да рядомъ: далеко, какъ изволишь видѣть, до *fraternité* или хоть до Шульце-Деличевской ассоціаціи».—

Съ тѣхъ поръ много воды утекло, и много было пережито, передумано и переиспытано, благодаря чему въ настоящее время мы имѣемъ возможность увѣреннѣе смотрѣть на будущее, не связывая его съ идеализированною «общиною» и «артелью». Ореолъ и идеологія этихъ «народныхъ основъ» нашей культуры уже развѣнчаны, и стало ясно, что не на нихъ слѣдуетъ строить виды на лучшее—историческое—будущее. Выяснилось, что Россія въ своемъ историческомъ движеніи идетъ по европейскимъ, а не по какимъ либо инымъ путямъ,—и нынѣ всякій, кто стоитъ на сторонѣ прогресса, поневолѣ является въ извѣстномъ смыслѣ «западникомъ», хотя бы и не называлъ себя этимъ устарѣлымъ терминомъ; на сторонѣ застоя и регресса оказались наслѣдники славянофильства—націоналисты. И теперь болѣе чѣмъ когда-либо пригодна формула Потугина, указывающая на цивилизацію, какъ на идеалъ, при чемъ, разумѣется, мы еще болѣе «растягиваемъ» это слово, чѣмъ «растягивалъ» его Потугинъ: мы понимаемъ подъ нимъ не одинъ какой-либо фазисъ или переходящій моментъ, пережитый или переживаемый западно-европейскими народами, а тѣ живыя и творческія силы европейской культуры, которыя созидаютъ будущую—высшаго порядка—культуру. Весь вопросъ въ томъ, могутъ ли эти силы, которыя называются свобода, просвѣщеніе, наука, демократизація всѣхъ благъ культуры и всѣхъ учреждений, приняться и дѣйствовать у насъ. Есть основанія думать, что могутъ...

Мы не меньше Тургенева разочаровались въ «общинѣ» и во всѣхъ прочихъ «устояхъ» нашей народной жизни, но отъ этого мы не стали пессимистами,—и, сходясь въ основной точкѣ зрѣнія съ Потугинымъ, т. е. Тургеневымъ, рѣшительно расходимся съ нимъ во взглядѣ на русскій народъ, на «мужика», на рабочаго. И слѣдующія слова Тургенева (въ томъ же письмѣ къ Герцену отъ 13 дек. 1867 г.) звучатъ въ нашихъ ушахъ почти дико, какъ странное мнѣніе, явно не соотвѣтствующее дѣйствительности: «...изо всѣхъ европейскихъ народовъ именно русскій менѣе всѣхъ другихъ нуждается въ свободѣ. Русскій человѣкъ, самому себѣ предоставленный, неминуемо вырастаетъ въ старобрядца,—вотъ куда его гнетъ, его претъ, а вы сами лично до-

статочно обожглись на этомъ вопросѣ, чтобы не знать, какая тамъ глушь, и темь, и тиранія».—

Любопытно отмѣтить аналогичное сужденіе Тургенева въ другомъ, болѣе раннемъ письмѣ къ тому же лицу (отъ 8 окт. 1862 г.): «народъ, передъ которымъ вы поклоняетесь, консерваторъ *par excellence* и даже носить въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжога брюхомъ и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что далеко оставить за собою всѣ мѣтко—вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ...»—

Что тутъ есть доля правды, это мы теперь знаемъ гораздо лучше, чѣмъ могли знать это наблюдатели народной жизни въ началѣ 60-хъ годовъ. Народное кулачество, мелкая «нео-буржуазія», возникающая въ самомъ народѣ, консервативность массъ—все это обнаружилось съ достаточною очевидностью и давно стало даже предметомъ художественнаго изученія (Салтыковъ, Глѣбъ Успенскій, Саловъ и др., потомъ Чеховъ, напр. въ повѣсти «Въ оврагѣ»). Но этого рода явленія, подрывая «культъ» народа, идеалистическое народничество, вовсе не могутъ насъ обезкуражить. Они только даютъ лишнее подтвержденіе тому, что Россія идетъ по западно-европейскому историческому пути и—въ томъ же направленіи. Важно одно: чтобы въ этомъ—историческомъ—движеніи не было остановки. Остановки не будетъ, если народъ окажется воспріимчивымъ къ свѣту знанія, къ новымъ понятіямъ, если у него выработаются новыя, болѣе культурныя потребности, привычки, вкусы. Уже теперь набросанная Тургеневымъ картинка «буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжога брюхомъ» и т. д.—оказывается старомодною и вовсе не характерною для «народной буржуазіи» въ цѣломъ. Эта «буржуазія» отнюдь не прочь отъ болѣе приличной обстановки и даже выписываетъ «Ниву». Въ концѣ концовъ это—вопросъ просвѣщенія, «цивилизovanія». Въ возможность же привитія народу «цивилизациі» вѣрилъ даже самъ Тургеневъ, при всемъ своемъ пессимизмѣ,—онъ утверждалъ (въ томъ же письмѣ), что роль или призваніе «образованнаго класса въ Россіи» состоитъ въ томъ, чтобы «быть преподавателемъ цивилизациі народу». И позже, въ письмѣ отъ 13 дек. 1867 г., онъ пишетъ: «...возьмите науку, цивилизацию и лѣчите (т. е. народъ) этой гомеопатіей мало по малу».—

Народъ рисовался Тургеневу какъ темная масса, больная застарѣлыми—историческими—недугами («отвращеніе къ гражданской отвѣтственности и самодѣтельности») и подлежащая лѣченію «цивилизациею»,—хотя бы и гомеопатическому.

Вотъ именно въ этомъ-то и состояла практическая программа Тургенева, которую онъ рекомендовалъ друзьямъ народа,—всякому, кто хотѣлъ прійти на помощь народу. Такъ онъ писалъ Философовой (22 февр. 1875): «позвольте васъ пожурить немного...: вы начинаете съ того, что увѣдомляете меня объ окончаніи вашей постройки, о заведеніи школы и т. п., и черезъ нѣсколько строкъ говорите объ отчаяніи, которое овладѣваетъ вами. Помилуйте, дѣятельность ваша достигла хотя маленькаго результата—слѣдов. небезплодна—чего больше? Пусть каждый въ своей средѣ сдѣлаетъ столько-же, и выйдетъ дѣло большое и хорошее. Вспомните старика Шиллера:

Die Thätigkeit die nie ermattet...

Die Sandkorn nur an Sandkorn reicht...

Пора у насъ въ Россіи бросить мысль о «сдвиженіи горъ съ мѣста»—о крупныхъ, громкихъ и красивыхъ результатахъ; болѣе чѣмъ когда-либо и гдѣ-либо слѣдуетъ у насъ удовлетворяться малымъ, назначать себѣ тѣсный кругъ дѣйствія: мы умремъ—и ничего громаднаго не увидимъ...»—Ту-же мысль высказалъ Тургеневъ и въ другомъ письмѣ къ Философовой (отъ 11 сент. 1874 г.), выдержку изъ котораго я привожу въ главѣ III-ей, разбирая типъ Соломина. Здѣсь-же приведу изъ того-же письма другое мѣсто: «Народная жизнь переживаетъ воспитательный періодъ хороваго развитія, разложенія и сложенія; ей нужны помощники—не вожаки, и лишь только тогда, когда этотъ періодъ кончится, снова появятся крупныя, оригинальныя личности...»—

«Воспитательный періодъ хороваго развитія»—это, повидимому, только другое выраженіе все той-же мысли, гласящей, что народъ долженъ учиться цивилизациі или гомеопатически лечиться ею,—помощниками его въ этомъ дѣлѣ и должны явиться дѣятели—народолюбцы. Но тутъ же находятся термины: «сложеніе», и «разложеніе», которые, пожалуй, могутъ дать поводъ подумать, что Тургеневъ предвидѣлъ процессъ дифференцированія народной массы, образованія новыхъ группъ, на примѣръ, выдѣленія и сложенія рабочаго класса и т. д. Если такъ, то въ

лицѣ Соломина мы имѣемъ образецъ дѣятеля, который является «помощникомъ» народа и въ этомъ трудномъ дѣлѣ — организациіи. Пусть Соломинъ — человѣкъ «сѣрый» и обыкновенный, а не крупная и оригинальная личность, но вѣдь и онъ, въ своемъ родѣ, не только «помощникъ», но и вожакъ. И гдѣ та граница, которая отдѣляетъ «помощника» отъ «вожака»? Я думаю, мысли, Тургенева на этотъ счетъ были не совсѣмъ ясны, — какъ не ясно выраженіе «періодъ развитія, разложенія и сложенія», какъ не вполне ясна «программа» и практическая дѣятельность Соломина.

Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію той стороны воззрѣній Тургенева, которою ближайше опредѣляется его «западничество» и его «либерализмъ». Намъ кажется, этотъ пунктъ заслуживаетъ особаго вниманія. Разъяснить его значитъ охарактеризовать Тургенева какъ представителя своего времени, своего класса и, въ особенности, «идеологіи» этого класса. А это существенно необходимо и для надлежащаго пониманія Тургенева — какъ художника: это прямо вводитъ насъ, такъ сказать, въ «лабораторію его творчества». Гете говорилъ; что кто хочетъ понять поэта, долженъ отправиться въ его страну. Это, конечно, весьма важно, но, я думаю, еще важнѣе для пониманія поэта — освоиться съ психологіею того общественнаго класса, къ которому принадлежитъ поэтъ, и уяснить себѣ характерную складку его воззрѣній, его понятій — складку, своеобразно отразившую безсознательныя внушенія все той-же классовой психологіи.

Здѣсь также поможетъ намъ сопоставленіе Тургенева съ другими представителями того-же класса, — съ славянофилами, съ Герценомъ и другими. Такое сопоставленіе укажетъ намъ на «родовыя черты» извѣстнаго «общественнаго типа», — черты, остающіяся неизмѣнными (въ существенномъ) при самыхъ различныхъ, даже прямо противоположныхъ индивидуальных признакахъ, при всемъ возможномъ развитіи идей, направленія, вѣрованій, идеаловъ.

2.

Въ «доброе старое время» (о которомъ скажемъ словами Тургенева: «хороша старина — да и Богъ съ ней!») на Руси было много маленькихъ культурныхъ уголковъ — въ имѣніяхъ помещиковъ-дворянъ, какъ крупныхъ, такъ и «средней руки», — и въ этихъ уютныхъ уголкахъ росли, развивались и проживали доб-